

АЛКОГОЛЬ В СТРАНЕ СОВЕТОВ

УДК 94(470+571)''194''

«ВЫПИВАТЬ ПО-ПАРТИЙНОМУ...»: ПИТЕЙНЫЕ КОНВЕНЦИИ В НОМЕНКЛАТУРНОЙ СРЕДЕ. 1940—1950-е гг.

О. Л. Лейбович

Пермский государственный институт культуры,
Пермь, Россия, oleg.leibov@gmail.com

В статье на основании архивных материалов исследуются алкогольные практики местных партийных работников на рубеже 1940—1950-х гг. Особое внимание уделяется социальным нормам (конвенциям), сложившимся в провинциальной номенклатурной среде. Выясняются факторы, повлиявшие на формирование социальных норм коллективного алкогольного потребления. Речь идет о культурных традициях, освоенных партийными работниками в процессе социализации, а также о формировании корпоративной солидарности по территориальному и функциональному (производственному) основаниям, способах презентации престижной социальной идентичности, властной легитимации алкогольного потребления, воздействии городской окружающей среды. Алкогольные практики номенклатурных работников рассматриваются как составная часть управленческих практик — не досуговых. Предлагается гипотеза, что изменение норм коллективного алкогольного потребления было следствием разграничения публичной и частной (личной) жизни в связи с регламентацией рабочего времени в 1953 г.

Ключевые слова: советское общество в 1946—1955 гг.; партийно-хозяйственная номенклатура, социальная идентичность, культурные конвенции, алкогольные практики.

“PARTY DRINKING...” ALCOHOLIC CONVENTIONS IN A NOMENCLATURE MILIEU. 1940—1950

O. L. Lejbovich

Perm State Institute of Culture, Perm, Russia, oleg.leibov@gmail.com

In the article on the basis of archival materials alcoholic practices of local party workers at the turn of 1940—1950th years are investigated. Special attention is paid to the social norms (conventions) established in the provincial nomenclature milieu. Factors that influenced the formation of social norms of collective alcohol consumption are revealed. It is about the cultural traditions assimilated by party workers in the process of socialization, as well as about the formation of corporate solidarity on territorial and functional grounds, methods of presentation of prestigious social identity, power legitimization of alcohol consumption, the impact of urban environment. Alcoholic practices of nomenclature employees are considered as an integral part of management practices — not leisure ones. Alcoholic practices were a mode of forming a distinctive collective identity. In the mid-1950s, the social norms of nomenclature alcoholic practices underwent significant changes. There was a gradual transition to moderate consumption of alcoholic drinks, as well.

© Лейбович О. Л., 2020

Ссылка для цитирования: Лейбович О. Л. «Выпивать по-партийному...»: питейные конвенции в номенклатурной среде. 1940—1950-е гг. // Labyrinth. Теории и практики культуры. 2020. № 2. С. 37—50.

Citation Link: Lejbovich, O. L. (2020) “Vypivat’ po-partijnomu...”: pitejnye konvencii v nomenklaturnoj srede. 1940—1950-e gg. [“Drinking Party...”: drinking conventions In a nomenclature milieu. 1940—1950s], *Labyrinth. Teorii i praktiki kul’tury* [Labyrinth. Theories and practices of culture], no. 2, pp. 37—50.

It is hypothesized that the change in the norms of collective alcohol consumption was a consequence of the distinction between public and private life in connection with the regulation of working hours in 1953.

Alcoholic practices went into the sphere of leisure — in the home settings, under family control. Thus, they were deprived of their basic social content — to be a tool of integration of the nomenklatura community.

The process of forming unified, more civilized social alcohol practices in the Soviet political class was gaining momentum. The role models were no longer nomenclature norms, but the behavioral rules adopted in the engineering milieu, from which a new generation of party workers were recruited.

Key words: Soviet society in 1946—1955; party and economic nomenclature, social identity, cultural conventions, alcoholic practices.

Отечественные интеллигенты на протяжении всего двадцатого столетия клеймили русское пьянство. Они называли его пороком, распространенным в низших классах населения в силу его отсталости, непросвещенности, подверженности ухищрениям темных сил. Писатели социалистического направления искали причины пьянства в рабском наследии.

«Сейчас живет только второе поколение взрослых людей после крепостного права, — писал в 1929 г. Ю. Ларин. — Весьма понятно, что если все это было так недавно, а крепостное право продолжалось сотни лет, то оно должно было оставить в душе наших трудящихся глубокие следы» [Ларин, 1929: 8].

Влиятельный партийный литератор имел в виду грубость, приниженность, угодливость, но главным образом пьянство, обращая внимание «...на три основные беды от развития алкоголизма»: разложение общественных организаций, снижение производительности труда и «значительное ухудшение положения рабочих» [Ларин, 1929: 18—20].

Люди, придерживающиеся противоположных политических убеждений, видели истоки зла в сознательном спаивании русского народа «иноземцами и иноверцами». Читаем у Ф. Углова: «Значительное число питейных заведений в России принадлежало еврейскому торговому капиталу» [Углов, 1986: 32]. Впрочем, в оценке пагубных последствий винопития идейные противники были солидарны: «Сам же алкоголизм — это потребление спиртных напитков, оказывающее вредное влияние на здоровье, быт, труд, благосостояние общества» [Углов, 1983].

Партийные пропагандисты видели в алкоголизме, прежде всего, пережиток капитализма в сознании людей (см.: [Ларин, 1929]). В свою очередь, в диссидентском лагере — в его социалистическом крыле — можно было услышать мнение, что люди пьют от бессилия что-либо изменить в своем угнетенном положении и от разочарования в коммунистической идеологии (см.: [Ихлов, 1986]).

Заметим, к слову, что тема пьянства в публицистике была прочно привязана к ситуации социальных низов. Как заметил некогда Ю. Ларин: «Основная беда — это пьянство городских рабочих» [Ларин, 1929: 27].

Отечественная социологическая традиция разделяла интеллигентский этос. Исследователи общественных отношений анализировали пьянство как «социальное явление, выражающееся в относительно массовых и устойчивых формах человеческой деятельности, не соответствующих официально установленным или же фактически сложившимся в данном обществе нормам и ожиданиям» [Гилинский, Афанасьев, 1993: 7]. Говоря социологическим языком, пьянство представало одной из форм девиантного поведения, наряду с наркоманией, преступностью и самоубийствами.

Оно «...крайне негативно влияет на экономику, демографию, правопорядок, физическое и нравственное здоровье и образ жизни населения, препятствуют совершенствованию социума» [Барановский, Осипчик, Пилипенко, 2016: 90].

Источники пьянства искали и находили «...в отчуждении личности от норм общественных отношений» [Шереги, 2017: 9]. И только в последнее время в социологической литературе была сформулирована гипотеза, что «...в массовом сознании умеренное потребление алкогольных напитков выступает как социальная норма, как часть бытовой культуры и образа жизни» [Заиграев, 2009: 78].

Можно согласиться с такого рода интерпретацией алкогольного потребления, только уточнив, что речь не только и не столько о явлениях общественного сознания, но и об адекватных ему практиках [см.: Лебина, 2015]. При этом следует учитывать специфику их в разных социальных группах. Рабочие пили иначе, нежели деятели культуры или ответственные руководители партийных, государственных и хозяйственных учреждений. Социальная норма потребления алкогольных напитков в номенклатурной среде и является темой настоящей статьи. Предмет исследования локализован территорией Молотовской (Пермской) области, расположенной на западном Урале. Временные рамки охватывают период 1945—1955 гг. Из сообщества номенклатурных работников исключены кадровые сотрудники карательных органов. Об алкогольных практиках в этой среде есть опубликованные работы [Лейбович, 2016; Шабалин, 2015].

Под социальной нормой в статье понимается совокупность практик, реализуемых членами сообщества как нечто естественное, общераспространенное и общедоступное, в известных ситуациях обязательное, не нуждающееся ни в объяснениях, ни в оправданиях. В данном случае речь идет о норме, не фиксированной в каком-либо регламенте или кодексе, своего рода конвенции между ответственными работниками по поводу коллективного и индивидуального алкогольного потребления в их собственной среде. Социологи знают, что нормы с трудом поддаются описанию по той причине, что их носители относятся к ним как к чему-то само собой разумеющемуся, не фиксируемому ни в частных или казенных бумагах, ни даже в разговорах.

«В истории, так же как и в газете. Нормальное не попадает в заголовки. История состоит из документов, которые сохранились, и они опираются часто на кризисы и несчастья, на преступления и прегрешения, так как эти дела являются темой документального расследования, судебных актов, договоров, доносов, литературных сатир и папских булл. Ни один папа не публиковал буллу, чтобы выразить в ней свое удовлетворение», — замечает исследовательница позднего Средневековья [Tuchman, 2007: 16—17]. Номенклатурные работники, привыкшие жить в ситуации закрытости, сохранения партийных и государственных тайн, тем более оставили мало свидетельств о практикуемых ими социальных нормах как публичных, так и домашних.

Иначе говоря, социальную норму замечают, если с ней сталкиваются люди, ее не признающие, либо в случае нарушения, чаще всего, произвольного расширения ее границ кем-либо из социального сообщества.

Два примера. Начальник областного управления милиции призывал своих подчиненных следовать более правильным образцам поведения, ссылаясь при этом на воображаемое сообщество партийных лидеров: «Почему же наши вожди, которые прошли не через такие трудности и препятствия, пришли в наше время стойкими, крепкими, уверенными в себе, вдохновляя все человечество. С них надо брать пример» [Протокол, 1952: 9].

Он обнаружил эталонную группу («наших вождей»), указал на ее неоспоримые достоинства («стойкость, крепость, уверенность в себе») и потребовал от капитанов и майоров вести себя так же, как т. Сталин и его соратники.

Другой пример — о выходе за границы нормы. Прокурор Молотовской области, проводя плановую проверку состояния социалистической законности в отдаленном районе, среди множества нарушений обнаружил и такое:

«Установлено также и то, что после демонстрации в районном центре 7 11 1947 г. б. первый секретарь РК ВКП(б) Кайдалов, председатель райпотребсоюза Любимов и бухгалтер сельпо Елтышев зашли в чайную, где за закуску и вино не уплатили 765 руб. 80 коп. денег, впоследствии списанных на “культурные нужды”» [Доклад, 1948: 152].

Прежде всего прокурор обратил внимание на цену праздничного обеда. Бутылка водки в конце 1947 г. стоила 30 рублей [Печенкин, 2015: 90]. Слово «вино» не должно вводить в заблуждение. В соответствии с дореволюционной традицией в 1940—1960-е гг. вином, или хлебным вином называли водку, что даже нашло отражение в городском фольклоре: «Получил получку я / девяносто два рубля. / Рубль на танцы. / Рубль в кино. / Остальное на вино» [Цитаты]. Стало быть, пили очень много и обильно закусывали. Денег не пожалели. Обед обошелся в 2/3 от месячного оклада жалования сельского секретаря райкома. Попойку в чайной можно было назвать банкетом, или, вырвкаясь партийном языком, пьяной гульбой.

Секретарь обкома К. М. Хмелевский в объяснительной записке в ЦК при ЦК ВКП(б) категорически опровергал обвинение, что он-де устраивал в г. Кизел банкеты за казенный счет:

«Вас интересовал вопрос, почему в январе месяце 1944 г. на слете, после деловой части, был устроен банкет для артистов? Прежде всего — это был не банкет. Руководство комбината и треста устроило после слета ужин для артистов Ленинградского театра оперы и балета им. Кирова, в числе которых было 10 заслуженных и народных артистов республики. На ужине присутствовали управляющие трестов, секретари горкомов и начальники крупных шахт. Ужин длился не более полутора часов, после чего все разъехались по местам. Никакого пьянства, гульбы, чем обычно сопровождаются банкеты, здесь не было ничего» [Хмелевский, 1945: 28].

По мнению прокурора области Д. Н. Куляпина, секретарь райкома организовал настоящий банкет по случаю праздника. И его смутило или возмутило то, что затраты на вино были списаны «на культурные нужды». Заметим, что в упомянутом докладе не случайно указано, что пили в чайной — в публичном месте, открытом для посторонних глаз. Иначе говоря, бывший секретарь райкома нарушил все мыслимые правила: выпивал с подчиненными за казенный счет, проявил личную нескромность, да еще делал это, не таясь, чем вводил в соблазн колхозников, собравшихся на демонстрацию. Публичность потребления алкогольных напитков номенклатурными работниками была отягчающим обстоятельством в глазах начальства.

В одной из справок, адресованных в Молотовский горком ВКП(б) читаем: «Пьянка и бытовое разложение их все это проходило на глазах рабочих, коммунистов и справедливо надо считать то, когда они спрашивают, когда этому будет положен конец. <...> “Руководители завода пьют, почему мне нельзя”. Такие заявления и настроения не единичны на заводе» [Справка (а), 1946: 11].

Следует заметить, что высшие инстанции считали неформальные контакты номенклатурных работников нарушением принципов партийной жизни, отступлением от служебной этики.

На XIX съезде КПСС секретарь ЦК Н. С. Хрущев предупреждал партийных товарищей:

«Там, где собирается семейка своих людей — приятелей, родственников или земляков, — неизбежно создается тихая заводь, стремление взаимно укрывать недостатки, возникает круговая порука» [XIX, 1952].

С точки зрения партийного руководства, любое неформальное объединение партийных кадров было недопустимым. В 1937 г. Сталин призвал бороться против «артелей», складывавшихся вокруг того или иного руководителя [Сталин, 1995: 12]. С того времени партийные органы неоднократно напоминали, что номенклатурным работникам следует поддерживать между собой только сугубо официальные

отношения, ни в коем случае не дружеские, избегать внеслужебных контактов. Впрочем, все эти призывы на практике игнорировались. Секретарь обкома ВКП(б) вынужден был констатировать, что районная «головка» представляет спаянную группу:

«В Нытве, например, укоренилась такая система, когда многие районные руководители объединились в один “дружный” коллектив на почве систематических семейных встреч и выпивок по всякому поводу и даже без повода. Сегодня у одного именины, у другого завтра крестины, у третьего — свадьба и т. д. и т. п. И вот, начиная с секретарей райкома, районные руководители — и партийные, и хозяйственные, и советские, и прочие систематически гостят от одного к другому, выпивают, веселятся, развлекаются» [Стенограмма, 1946: 33].

Бюро обкома уже при другом секретаре наложило взыскания на районных руководителей за то, что они вместе отмечали торжественные даты:

«Нередко в праздничные дни тов. Мальцев устраивает коллективные попойки с участием членов бюро райкома партии тт. Колчановым, Горцуновым, Бириним и Артемовым, что создает затхлую обстановку в бюро райкома, порождает беспринципность и безответственность и не способствует развертыванию критики недостатков в работе» [Протокол, 1953: 21].

Перед первым секретарем сельского райкома вставала дилемма: или не пить совсем, может быть, пропускать рюмку-другую в кругу семьи, либо нарушать установленные сверху правила. Кроме начальника отдела МГБ все остальные жители района так или иначе подпадали под категорию подчиненных. Впрочем, и начальник отдела МГБ, как правило, был членом бюро райкома — выпивать с ним означало порождать все те же беспринципность и безответственность. В свою очередь, служебными инструкциями чиновникам министра госбезопасности не рекомендовалось устанавливать личные связи с партийным начальством. Начальник одного из райотделов МГБ Молотовской области за то, что он «...находился в приятельских отношениях с секретарем райкома ВКП(б)...», был «...в марте 1951 года переведен на работу в другой район и предупрежден, что если допустит подобные действия, будет снят с руководящей работы» [Семенова, 1951: 25]. Как правило, секретари райкомов не выполняли требование не пить с подчиненными.

Люди, работавшие вместе, несшие коллективную ответственность, часто сверстники со сходной траекторией социального продвижения, семейными традициями, устанавливали между собой личные и семейные связи, формировали узы социальной солидарности, необходимые для поддержания ранговой идентичности, отгороженности от иных местных сообществ. Как правило, эти контакты поддерживались с помощью алкогольных практик, заимствованных либо из родительских обычаев, либо из фронтового опыта.

Добавим, что в годы войны потребление водки было санкционировано высшим руководством. Приказы о фронтовых «ста граммах» были подписаны Верховным главнокомандующим [Горьков, 2002: 505—506].

Открытые после войны павильоны и ларьки вблизи заводских проходных предоставляли каждому желающему возможность выпить на ходу те же сто двести граммов водки. Депутат районного совета М. Н. Колпаков предложил на сессии упорядочить торговлю алкоголем:

«Неужели нельзя запретить торговлю водкой на разлив в киосках и ларьках, чтобы прекратить все эти пьяные беспорядки? До каких же пор мы будем преклоняться богу вина и водки греческой мифологии Бахусу? До каких пор мы будем отдавать жертву этому ненасытному богу Бахусу наших советских людей. <...> Нельзя продавать водку на улице, на разлив у каждого киоска и ларька. Это нужно запретить категорически» [Колпаков, 1951: 7, 9].

Его «...не хотели просто слушать, а некоторые руководящие работники просто мне говорили, что я не понимаю политики партии и правительства, что я подрываю этим самым экономику нашей страны» [Колпаков, 1956: 106].

Речь шла в данном случае о выполнении напряженного плана по товарообороту алкогольной продукции в масштабе района. Но не только. С фискальной точки зрения, «некоторые руководящие работники» были правы. В цену каждой бутылки водки было заложено 89 % налога с оборота (см.: [Старовский, 1953]).

Областные руководители также не давали примеров воздержания. В стенограмме пленума Молотовского обкома ВКП(б) читаем:

«Мне кажется, надо будет бюро областного комитета заняться аппаратом областного исполнительного комитета. Там такая атмосфера создавалась нетерпимая. Существуют такие разговоры, если раньше было два заместителя председателя облисполкома, которые помалу не пили, то там теперь три заместителя, которые помалу не пьют — Левченков, Гительман, о Гладкове здесь говорили» [Стенограмма, 1950: 181]¹.

Алкоголизм в партийных кругах считался заболеванием, чем-то вроде воспаления легких, сердечной недостаточности. Собственный корреспондент газеты «Звезда» писал секретарю обкома, что в борьбе с антипартийными элементами он подорвал свое здоровье, «достукался до полового бессилия, до того, что в ближайшее время могу стать алкоголиком. Если нужен партии — то спасите» [Данилкин, 1950: 35].

У стен партийных комитетов современники видели разлитое море пьянства. Майор Некрасов, откомандированный в г. Молотов, писал в ЦК ВКП(б):

«Взять Молотовскую область, я нигде не видал такого массового пьянства мужчин и женщин, что в рабочий день валяются по городу не десятки, а сотни пьяных мужчин и женщин, подчас в трамвае валяется пьяный, милиционер спокойно перешагивает через него, в результате массовое нищенство в городе, забываются отцовские и материнские обязанности, развита проституция открытая, усиливается влияние поповщины... Все пущено на самотек, да я не знаю, как на это смотрит обком ВКП(б) и другие ответственные лица в области и в городе. Хотя им в особняках и на дачах где же все это видеть, пешком они не ходят» [Армейская, 1952].

Если автор письма и преувеличивал, то очень немного. В выступлении М. Н. Колпакова на пленуме райсовета говорилось о том же самом:

«Почти под самыми окнами райисполкома на трамвайной остановке расположены три ларька, которые торгуют водкой на разлив. Тут творится что-то невообразимое. Везде толпятся завсегдатаи, всегда вы услышите матерную ругань, грубые выкрики, всюду вы увидите тут пьяных. И это на глазах райисполкома и блюстителей порядка — постовых милиционеров».

Очень часто можно видеть, как некоторые пьяные люди, уже потеряв всякое человеческое достоинство, в самых некрасивых и неприятных позах валяются тут же у ларьков на панели. Люди проходят и смеются, некоторые возмущаются и плюются, а невозмутимый милиционер не обращает на это никакого внимания» [Колпаков, 1951: 6—7].

¹ У М. И. Гладкова была репутация горького пьяницы, не нуждавшегося в собутыльниках. «Когда придем к нему, говорит — не приму, нет время, то еще что-нибудь, неоднократно заставлял его крепко выпившим. Сразу просили секретаря, чтобы она доложила Гладкову о нашем приходе, сначала пообещает принять, посидим в приемной, лично сам видел — принесли ему пива в кабинет, иногда бутылку — две из буфета официантка, а иногда сходит туда сам и через некоторое время его личный секретарь закрывает на ключ, говоря, нет Гладкова у себя, не дождавшись приема, приходится уходить» [Балчугов, 1947: 22—23]. Несмотря на это, секретарь обкома считал М. И. Гладкова ценным работником: «Как по опыту, так и по объему выполняемой работы, тов. Гладков стоит значительно выше тех работников, которые работают сегодня заместителями председателя горисполкома» [Хмелевский, 1947: 6].

Партийные работники городского и районного звена ходили пешком и видели то же, что майор Некрасов — автор письма в ЦК — и заводской профсоюзный активист Колпаков, но в отличие от него привыкли к таким картинам с натуры, оправдывающим их собственные подобные практики.

Рассмотрим по имеющимся в распоряжении историка материалам социальные конвенции — нормы алкогольных практик в номенклатурном сообществе.

Прежде всего, отметим, что с точки зрения начальства, алкогольные эксцессы, если и были нарушениями партийной дисциплины, то простительными и незначительными. Если ответственный работник справлялся со своими обязанностями, его непосредственное руководство мирилось с его склонностью к питию. Секретарь обкома наставлял своих подчиненных: «Ты так построй работу, ну, если пьет, пусть пьет, если женщину обнял, пусть обнимает, лишь бы план выполнял» [Стенограмма, 1950: 158].

Торжественные мероприятия, как правило, заканчивались банкетом с обильным употреблением водки и вина. В объяснительной записке участника «товарищеского ужина», устроенного для ответственных работников по случаю встречи председателя ВЦСПС Н. М. Шверника с избирателями, отвергалось обвинение в адрес секретаря Молотовского райкома ВКП(б): «...я не слышал о его шумных требованиях достать ему водки, да вряд ли это и требовалось, так как водки на этом ужине для человека, желающего выпить, было вполне достаточно» [Утяшев, 1946: 27].

Секретарь райкома, а в недавнем прошлом начальник цеха на заводе № 172 Наркомата вооружения СССР, имел репутацию пьяницы, скандалиста и матерщинника: для домашних посиделок требовал спирт у директора пищекомбината, угрожал ему арестом и пр. «Тов. Бессарабенко сильно увлекается выпивкой, это знают все в районе. Часто не выходит на работу по этой причине» [Шафиев, 1946: 22].

Поводом для партийного расследования стал скандал на квартире второго секретаря райкома М. Х. Утяшева. По случаю рождения ребенка в ней собрались заводские и районные начальники: парторг ЦК ВКП(б), главный инженер завода, директор хлебокомбината, начальник милиции, прокурор, заместитель директора завода, директор пищекомбината. После ужина секретарь райкома стал буянить, требовать еще спирта, угрожать расправой и пр. Директор пищекомбината пожаловался в горком партии.

На докладной записке, посвященной пьяным подвигам неугомонного секретаря, есть резолюция К. М. Хмелевского: «Тов. Попову! Обсудить на бюро горкома и строго предупредить тов. Бессарабенко — если он не прекратит пьянство и грубости, будет снят с работы» [Резолюция, 1946: 17]. На партийном языке это означало — оставить без взыскания, ограничиться обсуждением.

Попробуем понять причины, почему секретарь обкома в этом случае проявил не характерную для него снисходительность. Партийные работники крутой нрав К. М. Хмелевского знали и откровенно его побаивались. «Шевелин (Краснокамск): Мне непонятно, как большевики могут так пасовать перед авторитетом т. Хмелевского. Почему такое мандраже получается? /в зале смех/» [Стенограмма, 1950: 58]. Смех, по-видимому, был не очень веселым.

Никаких личных отношений у К. М. Хмелевского с секретарем райкома не было. А. К. Бессарабенко на партийную работу выдвинул его предшественник Н. И. Гусаров.

Предположим, что пьяные эксцессы молодого партийного работника были едва заметным отклонением от условий негласного договора по поводу алкогольных практик в номенклатурной среде.

Они происходили в замкнутом пространстве, закрытом от глаз посторонних, в так называемой «нулевке» — в огороженном особняке, окруженном садом, где отдыхало руководство завода № 172, или в просторной отдельной квартире.

Посторонние граждане не могли быть свидетелями начальственного пьянства. Авторитет партийных работников не пострадал.

Среди участников попойки и на товарищеском ужине в «нулевке», и на квартире, где был устроен «пир», по выражению одного из его участников, были только номенклатурные работники высшего и среднего звена. Бессарабенко вспомнил, что ужинал вместе с заместителем министра вооружения, главным инженером завода и другими высокопоставленными лицами, так что в их присутствии он не мог бегать по саду и кричать: «На каком основании не даете водки первому секретарю райкома партии?» [Бессарабенко, 1946: 24]. В «нулевке» он пил с людьми, равными ему по положению, или вышестоящими, но ни в коем случае не с подчиненными. А вот на квартире секретарь райкома от этого правила отступил: устроитель «пира» был его заместителем, среди гостей были люди зависимые: начальник милиции, хозяйственники. Распивать с ними водку было нарушением негласной конвенции. Застигнутый на месте преступления спустя десять лет другой секретарь райкома в объяснительной записке признавал свои ошибки:

«Виновен я тут в том, что совершил два непростительных поступка — выпил с подчиненными и совершил половой акт с подчиненной, с посторонней женщиной» [NN, 1955: 162].

Бессарабенко к женщинам не приставал, стало быть, совершил поступок хоть и неправильный, но все-таки простительный, поскольку буянил в собственном кругу, более того, совместные попойки не снижали его требовательности к подчиненным. В «Справку», составленную для бюро горкома ВКП(б), были включены высказывания работников партийного аппарата о стиле управления первого секретаря: «тов. Утяшев сообщил, что тов. Бессарабенко очень груб в обращении с работниками, на работе, что его боятся, и он сам боится его окриков в повседневной встрече с ним по работе. Вопросы о поведении тов. Бессарабенко нигде и ни перед кем не ставил, считая, что характер тов. Бессарабенко известен и вышестоящим организациям.

Тов. Бородин — второй секретарь РК ВКП(б) — подтверждает грубости тов. Бессарабенко, сообщила, что к нему, к его требовательности надо привыкнуть, что он требовательный в работе, не терпит невыполнения его указаний, это неплохо, но в отношении к работникам, как человек, очень груб» [Справка, 1946: 18].

С партийной работы его, в конце концов, сняли после того, как А. К. Бессарабенко нарушил еще одно негласное правило: при посторонних держать себя в рамках. На отдыхе в Севастополе он устроил скандал на теплоходе: «зашел в ресторан 1 класса с пьяными старшинами». Уходить из ресторана не захотел. «Несмотря на предупреждения, тов. Бессарабенко был неумолим, продолжал безобразничать в ресторане, высказывал разные недостойные фразы и слова, выражался нецензурными словами, не обращая внимания на присутствующих. Своим поведением Бессарабенко унижил достоинство и честь члена партии. Он засуживает привлечения к строгой ответственности», — писал в обком ВКП(б) комендант военно-морской части гарнизона г. Новороссийска [Ежель, 1946: 284]. В 1947 г. А. К. Бессарабенко был откомандирован на работу в атомный проект СССР в г. Арзамас-16 директором завода².

В последнем казусе можно обнаружить нарушение еще одной социальной нормы, назовем ее выездной. Партийный работник, отправляясь в служебную командировку в большой город или на отдых, приобретал условную «шапку-невидимку». Из ответственного товарища, хорошо известного по внешности соседям, случайным прохожим, бывшим и нынешним сослуживцам, он превращался

² Был награжден орденами, Сталинскими премиями. «Одна из улиц г. Сарова названа именем А. К. Бессарабенко — это дань памяти первому директору завода и замечательному человеку» [Бессарабенко, 1996: 27—32].

просто в хорошо одетого мужчину, достаточно молодого, осанистого, румяного, обеспеченного и привлекательного. В режиме инкогнито этот человек мог быть, кем угодно: военным в штатском, крупным инженером, деятелем искусств — и вести себя соответственно: обедать в ресторанах, знакомиться с женщинами, не скупиться на выпивку. Если не было эксцессов вроде приглашения в «ресторан 1 класса» пьяных нижних чинов, такое поведение сходило с рук. В противном случае, от анонимности ничего не оставалось. И в партийную организацию поступал соответствующий сигнал, чаще всего из гостиницы.

Выезд в областной центр даже по сугубо служебной надобности создавал ситуации, побуждающие к потреблению алкоголя. Партийные секретари по пути в обком могли выпить по дороге в ближайшем кафе стакан-другой вина и в таком виде явиться с докладом.

«Первый секретарь Нытвенского райкома партии т. Сергеев также допускал факты недостойного поведения. В первый день проведения VI областной партийной конференции т. Сергеев явился в нетрезвом состоянии. Был случай явки т. Сергеева “навеселе” на один из пленумов обкома в 1954 году.

В марте т. г. в обком КПСС прибыл секретарь Соликамского горкома партии т. Пьянков, который перед приходом в обком изрядно выпил в кафе и к секретарю обкома КПСС т. Галаншину явился уже в нетрезвом состоянии. Тов. Пьянкову указано на недостойное поведение» [Шмуляй, 1955: 8]. Заметим, что нарушение хотя и было зарегистрировано, но сочтено маловажным, не заслуживающим взыскания.

В объяснительной записке Утяшева есть примечательные слова: «Как видно из изложенных выше данных, все случаи моей выпивки не имеют специальной цели выпивки, а связаны с теми или иными официальными моментами, где приходится позволять себе “выпить” по занимаемому положению, если не считать товарищеского ужина (или вечер) у меня на квартире 2 мая 1946 года» [Утяшев, 1946: 28].

«Выпить по занимаемому положению» — в этом обороте есть прямое указание на доминантную социальную норму. Человеку, занимающему определенное положение в партийных структурах, полагается принимать участие в официальных мероприятиях — заседаниях, торжествах, приемах. На «товарищеский ужин» в «нулевку» Утяшев получил срочное приглашение от директора завода по телефону. Ему пришлось даже отменить запланированное совещание и немедленно прибыть по указанному адресу. Иначе говоря, он получил приглашение, от которого не имел права отказаться. Как только Утяшев оказался на месте, ему тут же налили водку: «Мне, как опоздавшему, был предложен довольно объемистый тост, который мне пришлось выпить» [Утяшев, 1946: 27].

«Объемистый тост» — это фужер, бывший чем-то сродни кубкам большого орла, которым петровские гвардейцы потчевали участников гуляний в Летнем саду. Другими словами, речь шла о ситуациях вполне официальных, в которых нельзя было отказываться от употребления алкоголя.

И здесь уместно поставить вопрос, являлись ли алкогольные практики досуговым мероприятием, либо они были вплетены в административную, управленческую активность. Этот вопрос можно сформулировать проще: где, когда и с кем полагалось пить.

Как мы уже видели, были специально отведенные места — «нулевой объект завода № 172» в Мотовилихе или так называемая «дача Хмелевского» возле Кировского завода — на другом конце Перми: «Дача была обставлена так, что там всегда имелись пиво, водка, закуски — и все это за государственный счет» [Стенограмма, 1950: 156]. Пользовались ей ответственные работники завода № 98 вместе с секретарями райкома. Туда приезжали в любое время суток, в том числе и днем. Тех, кто не мог ходить, отвозили домой; более стойкие возвращались к рабочим местам. Из сохранившихся документов не ясно, обсуждались ли за столом деловые

вопросы, как это происходило десять лет назад в г. Свердловске в квартире председателя областного суда Чудновского (см.: [Колдушко, 2006: 195—212]). В официальные бумаги попадает далеко не все, так что есть основание предположить, что со стаканом водки партийные чиновники разговаривали не только на бытовые темы.

Если в районе не было возможности оборудовать соответствующий объект, то для совместных выпивок использовались подручные средства: прогулочный катер, например. Районный прокурор информировал обком, что местным начальством «...был дан обед для рабочих в столовой, а для районных работников — на катере. Обслуживала районных работников официантка Ключарева, расходы были отнесены за счет подсобного хозяйства рейда» [Конец, 1949: 10].

Во всяком случае, на этих закрытых объектах проходили служебные мероприятия, бывшие обязательной итоговой частью конференций, торжественных заседаний. Кроме того, до марта 1953 г. ответственные работники пользовались услугами буфета на протяжении рабочего дня, продолжавшегося для них до самого утра. Потребление алкогольных напитков входило тем самым в их аппаратные практики, сопровождало их служебную деятельность. Иначе не объяснить укоренившиеся в номенклатурной среде привычки начинать рабочий день со стакана портвейна, за обедом принимать две-три рюмки водки и в таком состоянии идти на прием к секретарю обкома или на заседание партийного пленума. После упорядочения рабочего дня для ответственных работников и антиалкогольных правительственных мероприятий партийные инстанции пытались отучить ответственных работников приходить на службу в нетрезвом виде. Такого рода поведения теперь называлось недостойным.

Все эти дачи и «нулевые объекты» были нужны для того, чтобы партийные работники не напивались в публичных местах: ресторанах, кафе, гостиницах, в местах народных гуляний, в поездах. Проступки такого рода рассматривались партийными органами как серьезное дисциплинарное нарушение.

Председателя сельского райисполкома строго предупредили за то, что он «...напился в чайной села Березовка до невменяемого состояния и долгое время валялся под столом» [Шмуляй, 1955: 7]. В более активном состоянии этот советский работник, возвращаясь с пленума обкома КПСС, на котором активу сообщили о причинах изменений в правительстве, «...поехал на поезде, изрядно выпивший, с порывами броситься с кулаками, кричал: “Ах, он такой-сякой Маленков”, но его придерживали неизвестные пассажиры» [Еловиков, 1955: 9].

К середине 1950-х годов алкогольные практики в номенклатурной среде подверглись изменениям.

Был упорядочен рабочий день. В соответствии с постановлением правительства установили «...с 1 сентября 1953 г. для учреждений и организаций союзного и республиканского значения, находящихся в г. Москве, начало работы с 9 часов утра и окончание работы в 6 часов вечера с перерывом на обед продолжительностью 1 час». Министров обязали внести соответствующие изменения в регламент работы подведомственных им учреждений [Постановление, 1953].

Если у секретарей райкомов и до массового жилищного строительства была в их распоряжении отдельная квартира, то после августа 1953 г. у них появилась время до полноценной приватной жизни в кругу семьи, а не только товарищей по работе. Контроль над алкогольным потреблением постепенно из служебных кабинетов вышестоящих руководителей перемещался в семью, где он был плотнее и жестче. Одновременно у людей появился досуг, позволяющий им самостоятельно планировать свободное время. Повторюсь: алкогольные практики постепенно становились семейным делом; родственники и свойственники постепенно вытесняли из застольного круга товарищей по партии.

Власти уже в 1954 г. начали первую антиалкогольную кампанию. Спустя год правительство запретило продавать водку в рабочих столовых и буфетах, а также на разлив в общественных местах и во время массовых гуляний.

Постановления ЦК КПСС и правительственные меры по борьбе с пьянством поставили под вопрос легитимность номенклатурных практик — служебных, коллективных, не стеснительных. Пьянство на рабочем месте стало рассматриваться как серьезное нарушение партийной дисциплины. Страдающие запоями секретари лишались должности. Так Молотовский обком КПСС в октябре 1956 г. поступил с секретарем Боровского горкома за то, что тот «...вместо пресечения фактов недостойного поведения ответственных работников, сам встал на путь пьянства. Он принимал участие в коллективной пьянке, в течение 2 дней (31 декабря и 1 января 1956 г.) на квартире у тов. Демидкина. Кроме того, тов. Шандицев вместе с директором бумкомбината тов. Макушиным допустили выпивку 18 января 1956 г. в центральной гостинице г. Молотова после окончания областной партийной конференции. А в день отъезда из Молотова, 19 января тов. Шандицев вновь напился пьяным.

В начале мая 1956 г. тов. Шандицев пьянствовал с 1 по 7 мая. В эти дни он на работе появлялся лишь утром на 5—10 минут» [Телепов, 1956: 65].

Такое поведение стало считаться для партийного работника нетерпимым.

В середине 1950-х годов социальные нормы номенклатурных алкогольных практик подверглись существенным изменениям. Наблюдался постепенный переход к умеренному потреблению горячительных напитков: нельзя напиваться до положения риз, устраивать скандалы, впадать в запой и пр.³ Алкогольные практики переходили в сферу досуга — в домашнюю обстановку, под семейный контроль. Тем самым, они лишались своего основного социального содержания — быть инструментом интеграции номенклатурного сообщества, способом формирования особой коллективной идентичности.

Можно предположить, что со второй половины 1950-х годов в обществе набрал силу процесс формирования единых, более цивилизованных социальных практик, в том числе и алкогольных, в советском образованном классе. Причем образцом для подражания выступают уже не номенклатурные нормы, но поведенческие правила, принятые в более интеллигентной инженерной среде, откуда рекрутировалось новое поколение партийных работников.

Библиографический список

Источники

- XIX съезд ВКП(б) — КПСС (5—14 октября 1952 г.). Документы и материалы. URL: <http://stalinism.ru/dokumentyi/materialy-xix-s-ezda-vkp-b-kpss.html?showall=&start=5>. (дата обращения: 8.11.2018).
- NN — А. И. Струеву. 24 07 1955 // ПермГАСПИ. Ф. 105. Оп. 12. Д. 146.
- Армейская дисциплина — в офицерском письме 1952 года. URL: <http://archive.svoboda.org/programs/hd/2003/hd.030703.asp> (дата обращения: 12.11.2018).
- Балчугов — УМГБ. Объяснение. 27 02 1947 г. // ПермГАСПИ. Ф. 105. Оп. 13. Д. 152.
- Бессарабенко. Объяснения Бессарабенко. Май 1946. Без даты // ПермГАСПИ. Ф. 105. Оп. 12. Д. 146.

³ Читаем в протоколах партийного бюро УМВД по Молотовской области характерный диалог: «Тов. Цикляев: А Вы сами всю ночь пили, топали, на лестничной площадке кого-то из вас стошнило. Так вести себя нельзя. Тов. Арутюнов: Что же выходит, что нашим работникам нельзя и собраться вместе и нельзя пить? Замкнуться в рамки и не знать никого. Тов. Цикляев: Можно и собираться вместе, можно и пить, и танцевать, но не всю же ночь пить и стучать, топать, мешать людям отдыхать» [Протокол, 1956: 68].

- Горьков Ю. А. Государственный Комитет Обороны постановляет (1941—1945). Цифры, документы. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2002. 575 с.
- Данилкин М. Т. — Прассу Ф. М. 27 04 1950 // ПермГАСПИ. Ф. 105. Оп. 16. Д. 176.
- Доклад о состоянии социалистической законности в Юго-Осокинском районе Молотовской области. 17 11 1948 // ПермГАСПИ. Ф. 105. Оп. 14. Д. 137. Л. 152.
- Ежель — секретарю Молотовского обкома ВКП(б). Октябрь 1946 г. // ПермГАСПИ. Ф. 1. Оп. 45. Д. 159.
- Еловиков — Первову. Справка о некоторых фактах недостойного поведения председателя Уинского райисполкома тов. Батракова И. Е. 1955. Без даты // ПермГАСПИ. Ф. 105. Оп. 22. Д. 145.
- Колпаков М. Выступление т. Колпакова на сессии районного Совета Мотовилихи. 8 06 1951 // ГАПК. Ф р — 952. Оп. 1. Д. 114.
- Колпаков М. Выступление тов. Колпакова — председ. культурно-массовой комиссии завкома, на партийном собрании завода им. Молотова. Апрель 1956 // ПермГАСПИ. Ф. 105. Оп. 23. Д. 115.
- Конев М. Ф. — Хмелевскому К. М. 1949. Без даты // ПермГАСПИ. Ф. 105. Оп. 15. Д. 187.
- Постановление Совета министров СССР от 29 августа 1953 г. № 2295. О режиме рабочего дня в министерствах, ведомствах и других советских учреждениях // Библиотека нормативно-правовых актов СССР / http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_4906.htm (дата обращения: 13.11.2018).
- Протокол № 1 общего партийного собрания парторганизации Управления милиции. 3 01 1952 // ПермГАСПИ. Ф. 1624. Оп. 1. Д. 44.
- Протокол № 32 заседания бюро <Молотовского>обкома КПСС от 13 марта 1953 г. // ПермГАСПИ. Ф. 105. Оп. 20. Д. 41.
- Протокол № 14 заседания бюро парторганизации УМВД по Молотовской области. 21.04.1956 // ПермГАСПИ. Ф. 1624. Оп. 1. Д. 20.
- Резолюция К. М. Хмелевского. 10 06 1946 // ПермГАСПИ. Ф. 105. Оп. 12. Д. 146.
- Семенова З. — Секретариат ЦК ВКП(б). 14 V 1951 // ПермГАСПИ. Ф. 105. Оп. 17. Д. 191.
- Справка. О нетактичном поведении первого секретаря Молотовского райкома ВКП(б) тов. Бессарабенко А. К. 10 06 1946 // ПермГАСПИ. Ф. 105. Оп. 12. Д. 146.
- Справка (а) о морально бытовом разложении коммунистов завода № 260 / зам. директора т. Судомоева, зам.секретаря партбюро т. Царькова и председателя завкома т. Толмачова. Сентябрь 1946 // ПермГАСПИ. Ф. 1. Оп. 45. Д. 58.
- Сталин И. В. Из речи т. Сталина. 5 марта 1937 года: Материалы февральско-мартовского пленума ЦК ВКП(б) 1937 года. 5 марта 1937 года. Вечернее заседание // Вопросы истории. 1995. № 12. С. 11—23.
- Старовский В. Н. Докладная записка ЦСУ СССР Г. М. Маленкову об изменении государственных розничных цен на продовольственные и промышленные товары по сравнению с довоенным уровнем. 8 декабря 1953 г. Секретно // Советская жизнь. 1945—1953 / сост. Е. Ю. Зубкова, Л. П. Кошелева, Г. А. Кузнецова и др. М.: РОССПЭН, 2003. 720 с. (Документы сов. истории) // <http://istmat.info/node/18465> (дата обращения: 15.11.2018).
- Стенограмма 21-го пленума обкома ВКП(б). Т. 1. 15 июля 1946 г. // ПермГАСПИ. Ф. 105. Оп. 12. Д. 9.
- Стенограмма VI пленума Молотовского обкома ВКП(б) 13—14 января 1950 г. // ПермГАСПИ. Ф. 105. Оп. 16. Д. 2.
- Телепов, Воробьев — Струеву А. И. Справка о непартийном поведении секретарей и некоторых членов бюро Боровского горкома КПСС. 20 мая 1956 г. // ПермГАСПИ. Ф. 105. Оп. 23. Д. 90.
- Утяшев М. Х. — Мальцевой М. Е. Ответы на поставленные вопросы в партколлегию 25 мая 1946 года. 29 05 1946 // ПермГАСПИ. Ф. 105. Оп. 12. Д. 146.
- Хмелевский — Харитонову 3 02 1945 // ПермГАСПИ. Ф. 105. Оп. 11. Д. 154.
- Хмелевский К. М. — Жданову А. А. 22 07 1947 // ПермГАСПИ. Ф. 105. Оп. 13. Д. 141.
- Шафиев А. Н. Объяснения А. Н. Шафиева. 8 06 1946 // ПермГАСПИ. Ф. 105. Оп. 12. Д. 146.
- Шмуляй С. П. — Струеву А. И. Справка о фактах недостойного поведения некоторых партийных и советских работников. 1955. Без даты // ПермГАСПИ. Ф. 105. Оп. 22. Д. 145.

Исследования

- Барановский Н. А., Осипчик С. И., Пилипенко Е. В. Проблема пьянства и алкоголизма в социологическом измерении // Социологический альманах. 2016. № 7. С. 81—92.
- Бессарабенко А. К. Люди «Объекта»: очерки и воспоминания. Саров; Москва: ИНФО, АОЗТ «Человек и Ко», 1996. С. 27—32.
- Гилинский Я. И., Афанасьев В. С. Социология девиантного (отклоняющегося) поведения. СПб: С.-Петербург. филиал ИС РАН, 1993. 167 с.
- Заиграев Г. Г. Алкоголизм и пьянство в России. Пути выхода из кризисной ситуации // Социологические исследования. 2009. № 8. С. 74—84.
- Ихлов Б. Проблема алкоголизма в СССР. Август 1986. http://www.litsovet.ru/index.php/material.read?material_id=395456 (дата обращения: 08.11.2018).
- Колдушко А. А. Роль партийных органов в осуществлении массовых репрессий // «...Включен в операцию». Массовый террор в Прикамье в 1937—38 гг. Пермь: изд-во ПГТУ, 2006. С. 195—212.
- Ларин Ю. Алкоголизм и социализм. М.: Госиздат, 1929. 143 с.
- Лебина Н. Б. Повседневная жизнь советского города: Нормы и аномалии. От военного коммунизма к большому стилю. М.: Новое литературное обозрение, 2015. 488 с.
- Лейбович О. Л. «Милицейская норма»: практики потребления алкоголя в номенклатурной провинциальной среде в первое послевоенное десятилетие // Альманах центра исследований экономической культуры факультета свободных искусств и наук СПбГУ. Специальный выпуск. «Экономика пороков и добродетелей». М.; СПб.: Изд-во ин-та Е. Гайдара, 2016. С. 81—100.
- Печенкин В. Советская водка. Краткий курс в этикетках. М.: Изд-во Ломоносов, 2015. 232 с.
- Углов Ф. Алкоголь и мозг: культовый доклад академика Углова в 1983 году. <https://econet.ru/articles/167839-alkogol-i-mozg-kultovyy-doklad-akademika-uglova> (дата обращения: 08.11.2018).
- Углов Ф. Г. Из плена иллюзий. 2-е изд., дораб. и доп. М.: Мол. гвардия, 1986. 288 с.
- Шабалин В. В. Хулиганы в погонах: региональная кампания по идейно-политическому воспитанию милицейских кадров в послевоенный период (на примере Молотовской области) // Советское государство и общество в период позднего сталинизма. 1945—1953 гг. М.: РОССПЭН, 2015. С. 293—303.
- Шереги Ф. Э. Социология девиации. 2-е изд., испр. и доп. М.: Юрайт, 2017. 323 с.
- Tuchman B. Der ferne Spiegel. Das dramatische 14. Jahrhundert. Berlin: Spiegel-Verlag, 2007. 580 S.

References

Sources

- XIX s'ezd VKP(b) — KPSS (5—14 oktyabrya 1952 g.): Dokumenty i materialy [XIX Congress of the CPSU (b) — CPSU (October 5—14, 1952): Documents and materials], available from <http://stalinism.ru/dokumentyi/materialy-xix-s-ezda-vkp-b-kpss.html?showall=&start=5>. (accessed 8.11.2018).
- Armeyskaya distsiplina v ofitser'skom pis'me 1952 goda [Army discipline — in the officer's letter of 1952], available from <http://archive.svoboda.org/programs/hd/2003/hd.030703.asp> (accessed 12.11.2018).
- Gor'kov, Yu. A. Gosudarstvennyy Komitet Oborony postanovlyayet (1941—1945): Tsifry, dokumenty [The State Defense Committee decides (1941—1945): Numbers, documents], Moscow: OLMA-PRESS, 2002.
- Postanovlenie Soveta ministrov SSSR ot 29 avgusta 1953 g. N 2295. O rezhime rabochego dnya v ministerstvakh, vedomstvakh i drugih sovetskikh uchrezhdeniyakh [Resolution of the Council of Ministers of the USSR No. 2295 of August 29, 1953. On the working day regime in ministries, departments and other Soviet institutions], *Biblioteka normativno-pravovykh aktov SSSR*, available from http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_4906.htm (accessed 13.11.2018).
- Stalin, I. V. Iz rechi t. Stalina. 5 marta 1937 goda: Materialy fevral'sko-martovskogo plenuma TsK V VKP(b) 1937 goda. 5 marta 1937 goda. Veчерnee zasedanie [From the speech of T. Stalin. March 5, 1937: Proceedings of the February-March 1937 Plenum of the Central Committee of the CPSU (b). March 5, 1937. Evening session], *Voprosy istorii*, 1995, № 12, pp. 11—23.

Starovskiy, V. N. Dokladnaya zapiska TsSU SSSR G. M. Malenkovu ob izmenenii gosudarstvennykh roznichnykh tsen na prodovol'stvennye i promyshlennye tovary po sravneniyu s dovoennym urovnem. 8 dekabrya 1953 g. Sekretno [Report of the Central Executive Committee of the USSR to G. M. Malenkov on changes in state retail prices for food and industrial goods in comparison with the pre-military level. December 8, 1953 Confidentially], *Sovetskaya zhizn'*, 1945—1953, sost. E. Yu. Zubkova, L. P. Kosheleva, G. A. Kuznetsova i dr. Moscow: ROSSPEN, 2003, 720 p., (Dokumenty sov. istorii), available from <http://istmat.info/node/18465> (accessed 15.11.2018).

Research

- Baranovskiy, N. A., Osipchik, S. I. Pilipenko, E. V. (2016) Problema p'yanstva i alkogolizma v sotsiologicheskom izmerenii [The problem of drinking and alcoholism in the sociological perspective], *Sotsiologicheskii al'manakh*, no. 7.
- Bessarabenko, A. K. (1996) *Lyudi "Ob"ekta": ocherki i vospominaniya* [People of the "Object": essays and memories], Sarov; Moskva: INFO, AOZT «Chelovek i Ko», pp. 27—32.
- Gilinskiy, Ya. I. Sotsiologiya deviantnogo (otklonyayushchegosya) povedeniya [Sociology of deviant behaviour], Ya. I. Gilinskiy, V. S. Afanas'ev. Sankt-Peterburg: S.-Peterb. filial IS RAN, 1993. 167 s.
- Ikhlov, B. *Problema alkogolizma v SSSR. Avgust 1986* [The problem of alcoholism in the USSR. August 1986], available from http://www.litsovet.ru/index.php/material.read?material_id=395456 (accessed 8.11.2018).
- Koldushko, A. A. (2006) Rol' partiynykh organov v osushchestvlenii massovykh repressiy [Role of party institutions in realization of mass repressions], «...*Vklyuchen v operatsiyu*»: *Massovyy terror v Prikam'e v 1937—38 gg.*, Perm': izd-vo PGU, pp. 195—212.
- Larin, Yu. (1929) *Alkogolizm i sotsializm* [Alcoholism and socialism], Moscow: Gosizdat, 143 p.
- Lebina, N. B. (2015) *Povsednevnyaya zhizn' sovetskogo goroda: Normy i anomalii. Ot voennogo kommunizma k bol'shomu stilyu* [Everyday life in the Soviet city: Norms and anomalies. From military communism to big style], Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
- Leybovich, O. L. (2016) «Militseyskaya norma»: praktiki potrebleniya alkogolya v nomenklaturnoy provintsial'noy srede v pervoe poslevoennoe desyatiletie [“Police Norm”: alcohol consumption practices in the provincial nomenclatura in the first post-war decade], *Al'manakh tsentra issledovaniy ekonomicheskoy kul'tury fakul'teta svobodnykh iskusstv i nauk SPbGU*: Spetsial'nyy vypusk, «Ekonomika porokov i dobrodetey», Moscow: Sankt-Petersburg: Izd-vo in-ta E. Gaydara, pp. 81—100.
- Pechenkin, V. (2015) *Sovetskaya vodka: Kratkiy kurs v etiketkakh* [Soviet vodka: Labeled Brief Course]. Moscow: Izd-vo Lomonosov, 232 p.
- Uglov, F. *Alkogol' i mozg: kul'tovyy doklad akademika Uglova v 1983 godu* [Alcohol and Brain: a cult report by Academician Uglov in 1983], available from <https://econet.ru/articles/167839-alkogol-i-mozg-kultovyy-doklad-akademika-uglova> (accessed 08.11.2018).
- Uglov F. G. (1986) *Iz plena illyuziy* [From a captivity of illusions], 2-e izd., dorab. i dop., Moscow: Molodaya gvardiya, 288 p.
- Shabalin, V. V. (2015) Khuligany v pogonakh: regional'naya kampaniya po ideynopoliticheskomu vospitaniyu militseyskikh kadrov v poslevoenny period: (Na primere Molotovskoy oblasti) [Hooligans in uniform: regional campaign for ideological and political education of police personnel in the post-war period: (Using the example of Molotov region)], in.: *Sovetskoe gosudarstvo i obshchestvo v period pozdnego stalinizma, 1945—1953 gg.*, Moscow: ROSSPEN, pp. 293—303.
- Sheregi, F. E. (2017) Sotsiologiya devyatsii [Sociology of deviation], F. E. Sheregi. 2-e izd., ispr. i dop., Moscow: Izdatel'stvo Yurayt, 323 p.
- Tuchman, B. (2007) *Der ferne Spiegel. Das dramatische 14. Jahrhundert*. Berlin: Spiegel-Verlag, 580 S.
- Zaigraev, G. G. (2009) Alkogolizm i p'yanstvo v Rossii. Puti vykhoda iz krizisnoy situatsii [The problem of drinking and alcoholism in the sociological perspective], *Sotsiologicheskie issledovaniya*, no. 8, pp. 74—84.